

Катерина Файн
НАЙТИ И ЗАМЕНИТЬ
2004-2021

Блюз

Она фантастична, как в августе иней,
ей скримо играет трубач.
Она бы постриглась-покрасилась в синий,
но синее – это too much.
Друзья ее – люди, что долгие годы
прекрасно общались со мной.
Она чуть постарше, но ростом пониже,
и муж ее – бывший мой.

Она королева в пространстве рунета,
ей нужен, как минимум, трон.
Ты, кажется, лев? А она дрессировщик,
попробуй зубами тронь.
Она не проходит как дождь и ангина –
праздник всегда с тобой!
В ее голове революция, Лорка,
знамя и вечный бой.

Она безупречна и рифмой, и телом,
но в гневе снесет города.
Восточная женщина южных морей –
сама огонь и вода.
Коня остановит, в квартиру войдет
и двери откроет ногой...
Я знаю, что так не бывает, но все же:
тебе повезло, дорогой.

* * *

Ты поменяла цвет духов и вкус одежды,
твой мозг уменьшился до шпильки в голове.
Все розы брошены к ногам и даже между.
Ты так прелестна, я балдею! дайте две.

Твоя квартира – дьюти-фри и сбоку бирки,
твои тарелки, фартуки, носки
летят в помойку, не дождавшись стирки.
...и лук успел на кухне подрасти.

Ты подросла вовремя к раздаче,
явилась на тусовку с корабля...
Все хорошо. Но смайлик тихо плачет
и статус обновился словом бля.

Драмкружок

Я пишу эту пьесу за деньги,
за грязные танцы.
За тебя и себя,
за галерку,
за все обниманцы.
И продюсер доволен,
он что-то строчит на закладке.
В персонажах моих
персонально твои повадки.
Но никто никогда не узнает
в каком беспорядке
кольцевая метро
на твоём безымянном пальце,
это облако-рай.
Что в московской твоей палатке
может жить только кошка
на полупальто,
на его заплатке.

* * *

Нам нравится жить в мегаполисе – здесь намного сложнее встретиться.
И не важно, что ближе к окраинам улицы уже.
У меня каждый день на работе что-то ломается-не коннектится.
У тебя все ломается дома. И это гораздо хуже.

Нет привычки рассказывать доктору, другу, подруге, маме,
а в Макдоналдсе в восемь утра есть свободные уши.
Между колой, картошкой, макфлурри, салфетными оригами
эта девочка в красной бейсболке готова тебя слушать.

А потом фея делает фейк. Ты бежишь перекатною голью,
получая в лицо снежно-северным питерским ветром.
Это просто зима. Мы сезонно больны нелюбовью.
От тебя до меня тридцать семь и одна... километра.

* * *

У каждого свой треугольник, квадрат и круг.
Мы вписаны в эти фигуры от севера к югу.
И как бы ты ни был красив, образован и крут,
прикосновения губ переходят по кругу.

Мы платим рублями за свет, головою за звук.
Мы учимся острые локти зубами кусать.
У каждого в заднем кармане веревка и крюк.
И табурет, на который приходится встать.

* * *

Этот птичий звонок, и порог, и пальто на кресло.
Я фриланс выходного дня – прихожу в субботу.
Просыпайтесь, мой граф! Вас не ждут. Да и я неуместна.
Потому что любовь, как известно, живет три года.

Я ищу, где присесть, что надеть вместо мокрых сандалий –
в твоём доме компьютеров больше, чем стульев и тапок.
Тридцать пятый сентябрь дождями по крыше скандалит,
и у нас все ужасно криво, ужасно набок.

Пусть горит оно синим огнем, рассыпается прахом.
Я, похоже, из тех, кому осенью сносит крышу.
Можно выйти на улицу, крикнуть «иди ты на хуй» –
результаты тебя офигеют: никто не услышит.

Мы уже не роман, а тоска по нему в рассказах.
Но когда, через много лет возвратится мода,
нам захочется снова субботнего неба в алмазах,
я приду к тебе с томиком Чехова.
На три года.

* * *

Подари мне аптечной ромашки букет,
мне давно уже надо лечиться.
Видишь, карта той улицы? Улицы нет.
Цирк уехал и съедены чипсы.

Не осталось ни писем, ни ящика для,
да и ключ потерялся в дороге.
Мне дворы этой улицы до фонаря,
что светил у тебя на пороге.

Про печальную эту земную печаль
расскажи, что совсем не жалеешь.
Это только начало каких-то начал.
А у нас – ни прикрутишь, ни склеишь.

Я такой же, как ты, проигравший игрок,
я на карту поставила точку.
Подари мне гербарий рифмованных строк,
ну, хотя бы последнюю строчку.

* * *

В твоём доме воскресный брак,
в твоём доме содом-постелье.
Подоконник. Весна. Коньяк.
И подушки расправили перья.

В холодильнике снег и дождь.
На лазаньи рисунки акрилом.
Эта барышня тоже худож.
Два художника – как это мило!

Потому, чтоб не быть одному,
и не выпасть из общего списка.
Колокольчик звонит по кому?
Вы – скульптурная группа риска.

Ты об этом, об этом мечтал,
только не от любви – от страха.
В твоём кофе тяжёлый металл
чайной ложки. Коньяк и сахар.

* * *

Опять постит ноябрь
чужие голоса,
напольный канделябр
включая в три часа.

И ветер машет веткой
рябиновых кровей,
и бьется в угол сетки
на форточке моей.

И каждый зритель знает
о правилах плей-офф.
И птицы доедают
последних комаров.

А мы сидим на кухне:
ты, я, твоя Т.Ж.
И пусть вокруг все рухнет,
да нечему уже.

Ничто так не сближает
как заготовка дров,
которые ломали
без пил и топоров.

Мы пьем за лесорубов,
за мой – прости – д.р.
За умных и за глупых,
за небо в ноябре.

* * *

Ты приходи, когда уйдут другие
от нас к альтернативно-загорелым,
я буду в непривычно черно-белом,
ты любишь сочетания такие.

Я больше никого не подчиняю,
и нет скандала в праздничном салате.
Сегодня даже кошка при параде,
а я тихонько примус починяю.

И кольца надеваю на перчатки
(нет более немислимого бреда).
Давай с тобой перезагрузим лето,
и мая не заметим опечатки.

Как я тогда по-мхатовски молчала,
смотрела не во все глаза, а краем.
Ты приходи – на дудочке сыграем...
Гитара с флейтой помнишь, как звучала?

* * *

Ты лежишь на скамейке среди двора
без ремня, без руля и ветрил.
Ты читаешь газету с шести утра –
я не знаю, что ты курил.

Ты ошибся в пятьсот сорок пятый раз,
ты граблями выносишь мозг.
Ты шофер, под тобою большой камаз,
впереди – очень узкий мост.

Улетай, уплывай, загребай веслом,
хоть за левый приток Оки.
По тебе не будут писать диплом
и не будут слагать стихи.

Твоя хиппи ушла к машинисту (змея),
и теперь мы пришли втроем:
пьяный француз, Е. Биневич и я,
мы, конечно, тебя спасем.

Мы помоем-почистим тебе прикид,
мы оплатим билет в Париж.
Мы найдем тебе новую инди-кид...
и ты тупо все повторишь.

* * *

Не люби меня после июля,
запароль от меня инстаграм.
В одеяле прекрасная Юля –
двадцать лет, пятьдесят килограмм.

То ли следствие, то ли причина...
Мы спрягаем глагол «понимать».
По паркету течет капучино.
Вам не строить, а нам не ломать.

Не гадай на остатках кофейных,
мне не важно – канат или нить.
Между нами железный Литейный,
по которому мне уходить.

* * *

Никто о нас не вспомнит, кроме нас.
Ты выкинешь мои чужие вещи,
и вешалки тебе зарукопещут,
исчезнет этот глупый диссонанс.

Ты снова будешь дуть в свою дуду,
нанизывать сюжет на киноплёнку.
И в крохотную эту комнатенку
я больше никогда не забреду.

Забудь меня, как школьную физ-ру,
пройди меня, как точку невозврата.
Я маятник. Его координата.
Я дворник, но не к этому двору.

* * *

Едет с ярмарки в депо
заблудившийся трамвай.
Позвони мне «на слабо»,
приходи и наливай.

Оглянись через плечо –
сколько там календарей...
Я тебе медаль-значок
за отвагу у дверей.

Не случится новый круг,
только старый анекдот.
У тебя жена и внук,
у меня пушистый кот.

Неудобные слова,
как трехместное купе.
Ты не прав, я не права –
мы как Бродский и М.Б.

Расскажи мне, в чём подвох,
где смещение планет?
Был роман у нас неплох,
просто больше его нет.

* * *

Нелепо, смешно и почти напрасно:
все комбинации – жертва ферзя.
Вагончик бежит, но разлито масло,
и выскочить хочется, а нельзя.

Кого приручили, тот и в ответе.
Взгляни на неба стальную гладь –
умерли лучшие люди на свете,
им нечего больше тебе сказать.

А ты всё поёшь на чужом наречьи,
и дева седьмая стоит у плиты.
Прекрасны её расписные плечи
принципиально другой среды.

Союз нерушимый любви и обмана –
в этой программе какой-то сбой.
И выйти замуж за Перельмана
ей не сложнее, чем быть с тобой.